

ПРОБЛЕМА ЦЕННОСТЕЙ В ОБЩЕСТВОЗНАНИИ

О.В. Новикова, г. Минск, Беларусь

Хотя влияние ценностных установок на познание человеком общественных явлений было подмечено еще в XVIII веке, в философию социально-гуманитарного познания проблематика ценностей была введена неокантианцами и М. Вебером, исходившими из того, что постижение социальных действий возможно лишь в соотношении с ценностями, задающими нормы поведения и цели деятельности человека. В отечественной традиции *ценность* чаще всего трактуется как проявляющаяся в социальной деятельности, общении, межличностных и общественных отношениях значимость для человека и социума объективных свойств предметов, явлений и событий действительности. Особенно заметно, как следует из работ В.С. Степина, социально-культурные ценности влияют на современную науку, в которой они включаются в структуру исследования, задавая каноны постнеклассической научной рациональности.

Ценности выполняют регулятивную и нормативную функции, определяя ориентиры поведения и деятельности человека. Влияние ценностей на социально-гуманитарное познание и его результат – знание различается в зависимости от типа познавательной деятельности. Особую роль социально-культурные ценности играют во вненаучном познании, которое, в отличие от научного, иногда характеризуют как духовно-практическое познание, подчеркивая, тем самым, его служебную роль по отношению к сферам практической жизни общества. Среди основных форм вненаучного знания – мифологическое и религиозное, худо-

жественное и моральное, правовое и экономико-практическое и др. Этот тип знания соотносится с соответствующими формами общественного сознания и определяется потребностями решения задач в конкретных сферах общественной жизни. В экономической или политической практике при всей значимости научно-теоретических разработок все-таки предпочитают опираться на функциональное экономическое и политическое знание, учитывающее принятую в данном обществе систему ценностей, традиции, наконец, политическую конъюнктуру.

В социально-научном познании влияние культурных ценностей проявляется через ценностные установки исследователя и его оценки, в которых общественные влияния предстают с точки зрения их значимости для человека. Оценка, воспроизводя объективные свойства явлений, выражает определенное отношение к ним. В философии социально-гуманитарного познания сложились два основных подхода к интерпретации *роли оценки* в научном исследовании.

Первый из них, основываясь на признании практической природы познания, исходит из того, что оценка имеет не только мировоззренческое, но и гносеологическое назначение. С этой точки зрения, хотя социогуманитарное познание носит ценностно-оценочный характер, влияющие на познание ценности реальной жизни не искажают объективность знания, а наоборот, способствует его достижению. Это связано с тем, что отношение человека к миру всегда опосредовано практикой – его материально-преобразующей деятельностью.

Второй подход связан с отказом от использования оценки в науке на том основании, что она ведет к субъективизации социально-гуманитарного познания, а, следовательно, к получению недостоверного результата. М. Вебер подчеркивал, что в эмпирических дисциплинах должна существовать «свобода от оценочных суждений», а в общественном познании неприменима оценка. При этом немецкий мыслитель различал две группы оценочных суждений. Во-первых, мнения действовавших лиц истории, считая, что их учет необходим и содействует объективности исследования. Во-вторых, оценку исследователя, которая искажает реальную картину событий. По его словам, в общественном познании действует принцип «отнесения к ценности» объекта, но неприменима оценка.

Таким образом, в методологии социально-гуманитарного познания по вопросу взаимоотношения истины и ценности можно выделить две основные точки зрения. *Первая* предполагает, что наука должна быть ценностно-нейтральной и объективная истина является ее главной ценностью. *Вторая* связана с признанием того, что учет ценностей составляет необходимое условие научного познания, результаты которого подвержены влиянию социально-культурных факторов. В этом случае

перед методологами возникают вопросы о том, возможна *одна или несколько истин* в социально-гуманитарном познании, и достижима ли в нем истина вообще?

Существует несколько ответов на поставленные вопросы. *Первый из них* является традиционным для отечественной философско-методологической традиции, который, опираясь на гносеологический оптимизм, говорит о принципиальной достижимости истины в социально-гуманитарном познании. Полученный результат – это единственно истинное знание, обязанное в отличие от заблуждения удовлетворять критериям объективности, диалектики абсолютности и относительности, наконец, конкретности отражения в нем познаваемой действительности.

Второй ответ связывается с мнением, что современное общественное сознание должно избавиться от наивной веры в объективность научных методов, поскольку познание социума имеет релятивный характер – полученное знание всегда неполно, неточно, имеет относительно истинный характер. Такой позиции придерживался, в частности, К. Поппер, обвиняя социально-гуманитарное знание в «грехах» историзма и профетизма и отрицая существование объективной истины как таковой.

Авторы *третьего ответа*, утверждая плюрализм истин, настаивают на возможности достижения в нем объективной истины. При этом подчеркивается, что такая ситуация характерна для современной постнеклассической науки, для которой истина выступает и как соответствие знания объекту, и как характеристика способа деятельности. Существование многих истин объясняется ими наличием «предпосылочного» знания и характерным для современного демократического общества принципиальным равноправием разных стратегий познания. Эту позицию обосновывают С.А. Лебедев, В.Г. Федотова, некоторые другие российские философы.

Наконец сторонники *четвертого ответа* рассматривают истину как характеристику знания, оппозиционную его практической значимости. Согласно данному подходу, существуют два основных типа знания, каждый из которых имеет свои прерогативы – *предметное* и *технологическое* знание. Характеристикой предметного знания выступает истинность, а технологического – реализуемость. В частности, подобная точка зрения свойственна известному российскому методологу Г.П. Щедровицкому, считавшему, что основные продукты методологической работы – конструкции, проекты, нормы, методические предписания и т.п. проверяются не на истинность, а на практическую реализуемость.

Тем не менее, для научного познания основной ценностной ориентацией является достижение истины, а его результаты обладают самостоятельностью, и могут быть востребованы практикой позже. Как вненаучное социально-гуманитарное познание, так и донаучное (обыденное) непосредственно направлены на решение практических задач и, имея в этом смысле служебную роль, прямо соотносятся с ценностями общественного бытия и социальными идеалами. Поэтому квалификация достоверного знания как истины, характерная для научного познания в донаучном и вненаучном познании дополняется, а то и вытесняется его квалификацией как правды.

Хотя существуют различные концепции истины, наиболее популярной и фундированной является корреспондентская концепция, согласно которой, истинное знание – то, которое соответствует действительности. На этом понимании истины «стоит» вся официальная философия науки, но при этом возникает проблема корреляции в социально-гуманитарном познании *истины* и *правды*.

Можно согласиться с существующим мнением, что истина есть прерогатива научного познания, а правда – вненаучного познания (правда жизни, художественная или историческая правда), и что истина – это гносеологический феномен, а правда – его мировоззренческий аналог, но данные констатации все равно оставляют чувство неудовлетворенности, «отлучая» истину от правды. Суть проблемы, вытекающей из уравнивания статуса истины в социально-гуманитарном познании с ее естественнонаучным коррелятом, заключается в игнорировании экзистенциальных проблем социального бытия человека и, как следствие, пренебрежении пониманием общества как мира человеческой деятельности – как объективно-субъективной реальности.

Особую актуальность проблема диалектики истины, социокультурных ценностей и правды приобрела в философской мысли России XIX – начала XX веков – в обществе, в котором роль традиционных коллективистских ценностей и социальных идеалов была чрезвычайно велика. Пафос обсуждения проблемы истины в русской социально-философской мысли данного периода в следующем: жизнь диктует свои правила, которые закреплены в общественных ценностях и социальных идеалах и именно с ними, а не с формально безличными установлениями рассудка, должны соотноситься наши представления о том, как должна быть устроена эта жизнь.

Сентенция, согласно которой «*жить надо по правде*», выглядит весьма тривиальной. Но эта тривиальность исчезает, если принять во внимание неоднозначность самого понимания правды. Как было принято считать в русской социально-философской и литературно-

публицистической литературе этого времени, существуют два вида правды – *«правда-истина»* и *«правда-справедливость»*. Первая рассудочна и навязывается нам как необходимость, подобно нормам формального права, которые человек вынужден выполнять независимо от своего отношения к ним; отсюда – в качестве синонима – *«правда-необходимость»*. Вторая составляет основу жизни и служит критерием оценки событий. *«Правда-справедливость»* является главным регулятором жизни общества и верховной ценностью познания – таков лейтмотив осмысления данной темы, характерный для работ П.Л. Лаврова, Н.К. Михайловского, Б.А. Кистяковского и ряда других мыслителей.

Следует признать, что современное научное социально-гуманитарное познание постепенно избавляется от академизма, осознавая тесную связь с социальными идеалами и интересами и отыскивая точки соприкосновения с донаучным и вненаучным познанием общественных явлений. Это естественное явление, являющееся иллюстрацией соответствия современного общественнознания характерному для социальной эпистемологии рассмотрению науки как особой формы духовной культуры.